

конкретном случае составлять на локальном уровне в отдельных организациях, в том числе с отсылкой на нормы иных правовых актов и доводить до сведения ответственных работников или иных лиц, например, клиентов этой организации, под роспись. В таком случае лицо могло бы подлежать административной ответственности за нарушение конкретных правил эксплуатации, повлекших сбой в работе оборудования или уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

Подводя итог изложенному, можно сформулировать следующие выводы.

1. Бланкетный характер диспозиции ст. 274 в отсутствие четких правил работы с компьютерным оборудованием не соответствует конституционному принципу правовой определенности и связанной с ним предсказуемости нормотворческой деятельности исполнительной власти. Указанный принцип был неоднократно сформулирован в постановлениях Конституционного Суда РФ¹. Это требование, как и требования точности и конкретности правовых норм, которые лежат в основе соответствующих решений правоприменителей, необходимы для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты.

2. Существуют достаточно серьезные основания для декриминализации ст. 274 УК РФ с одновременным установлением в КоАП РФ административной ответственности за соответствующее деяние.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 6, ст. 450; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. // Там же. 2003. № 21, ст. 403.

Н.С. Железняк,

*доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности Сибирского юридического
института ФСКН России,
ZHNS21@mail.ru*

А.Д. Назаров,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Юридического института Сибирского
федерального университета
anazarov61@mail.ru*

Некоторые вопросы совершенствования института судебного контроля

Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса постоянно находится в центре внимания исследователей — ученых-правоведов. Остановимся лишь на некоторых актуальных проблемах этого института.

С самого начала его действия А.Б. Соловьев и Н.А. Якубович говорили о том, что «целесообразно, чтобы механизм реализации в досудебных стадиях уголовного процесса ст. 46 Конституции РФ об обжаловании в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц предусматривал бы по общему правилу предварительное обращение с жалобой к прокурору. Это необходимо, чтобы оградить суд от непосильной для него по объему работы, которую в настоящее время с большим напряжением выполняет аппарат органов прокуратуры»¹. Представляется, что последовательный алгоритм в обжаловании «сначала — в прокуратуру, а лишь затем — в суд» будет более понятен заинтересованным лицам, более эффективен, т. к. прокуратура мобильнее в рассмотрении жалоб, нежели суд. Это действительно несколько разгрузит судей и позволит им сосредоточиться на более серьезных делах и материалах.

Своеобразен взгляд на предназначение судебного контроля Ю.К. Якимовича, полагающего, что в настоящее время судебный контроль (не надзор, а контроль) особенно необходим, поскольку прокуратура не в достаточной степени осуществляет надзор за производством предварительного расследования. Судебный контроль должен выражаться в рассмотрении жалоб на определенные, указанные в законе, действия органов предварительного расследования и прокуратуры и в праве суда выносить по этим жалобам судебные приказы.

В первую очередь, суду должно быть предоставлено право рассматривать жалобы на законность привлечения лица в качестве обвиняемого, ведь именно с актом привлечения в качестве обвиняемого связаны все негативные последствия для этого лица.

Поэтому обвиняемого и его защитника следует наделить правом обжаловать в суд законность и обоснованность привлечения в качестве обвиняемого, а суд — правом отменять указанное постановление в случае необоснованного или незаконного привлечения в качестве обвиняемого.

И это самое главное. Все остальное, в том числе, и обжалование ареста, связано именно с рассмотренным выше правом. Иначе рассмотрение жалобы на арест превращается в пустую формальность: суд не входит в рассмотрение вопроса о законности привлечения в качестве обвиняемого»², а чем тяжелее квалификация действий подозреваемого, обвиняемого, тем выше шансы у следователя получить от суда постановление о заключении лица под стражу или о продлении сроков содержания таких лиц под стражей. По мнению А.В. Смирнова, нормы уголовно-процессуального закона не препятствуют обжалованию в суд в порядке статьи 125 УПК РФ постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и рассмотрению судом его законности и обоснованности. При этом суд, вынося постановление по жалобе, не должен предрешать в нем вопрос о виновности обвиняемого. Такое понимание указанной нормы соответствует конституционным правам человека и гражданина прежде всего на защиту своих прав и свобод всеми способами, не

¹ Соловьев А.Б., Якубович Н.А. Предварительное расследование и прокурорский надзор в свете судебной реформы // Законность. 1995. № 8. С. 9.

² Якимович Ю.К. Избранные статьи. Томск, 1997. С. 56–57.

запрещенными законом; на судебную защиту, презумпцию невиновности (ч. 2 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 1 ст. 49 Конституции РФ), а также согласуется со ст. 123 Конституции РФ, предусматривающей, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон¹.

Процедуры судебного контроля должны не заменять и дублировать прокурорский надзор, и тем более ведомственный контроль, а должны наряду с ними обеспечивать соблюдение прав и законных интересов человека и гражданина, оказывать положительное влияние на эффективность расследования.

Процессуальное сотрудничество суда, прокурора, руководителя следственного органа и даже адвоката позволяет говорить об определенном «консилиумном» порядке разрешения определенных процессуальных ситуаций.

Во время научной стажировки в Израиле мы обратили внимание на необычную для нашей российской юридической действительности практику проведения инициированных адвокатом «процессуальных переговоров» с прокурором, судом. Адвокат в Израиле считает своим долгом, к примеру, и при решении вопроса о заключении под стражу, и при формулировании прокурором обвинения прийти к нему на встречу, чтобы обсудить с ним позиции по делу, собранные по нему доказательства и др.

Достаточно часто результатом таких переговоров становятся определенные корректировки позиций сторон, взаимные договоренности о прохождении дела через суд, а подчас и принятие решения прокурором о прекращении уголовного дела на определенных условиях.

В Израиле, в отличие от России, такая переговорная практика адвоката с прокурором считается нормальной, не противоречащей законодательству. Более того, в израильских судах в судебных заседаниях по уголовным делам достаточно часто возникают ситуации, когда председательствующий судья просит остаться в зале только прокурора и адвоката, и они — три юриста-профессионала — договариваются о бесконфликтном прохождении дела через суд, анализируют исследованные доказательства, стороны обвинения и защиты производят корректировку своих позиций. Такие переговоры не противоречат израильскому законодательству и позволяют избежать, прежде всего, принятия ошибочных решений по делу.

Достаточно своеобразна и форма процессуальных взаимоотношений в Израиле при расследовании уголовных дел. Полицейские следователи при проведении особо сложных и особо значимых следственных и иных процессуальных действий обращаются за помощью к «полицейским прокурорам» (юристам) или к прокурорам, состоящим в штате Министерства юстиции (в зависимости от тяжести инкриминируемого обвиняемому деяния). И эти прокуроры, будучи высокопрофессиональными юристами, своим участием в проведении процессуальных действий полицейскими следователями обеспечивают их безошибочность и законность.

Следует заметить, что обвинительное заключение по уголовному делу в Израиле составляет не полицейский следователь, а высокопрофессиональный юрист: по преступлениям, санкция за совершение которых — до 7 лет

¹ См.: Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого // СПС «КонсультантПлюс».

лишения свободы, обвинительное заключение составляет состоящий в штате полиции «полицейский прокурор»; по преступлениям, санкция по которым превышает 7 лет лишения свободы, — прокурор из Министерства юстиции. А полицейские следователи при составлении этих обвинительных заключений выступают в таком «консилиуме» в роли консультантов и помощников, т. к. они досконально знают материалы расследованного ими уголовного дела.

Предложения о необходимости составлять обвинительное заключение и даже постановление о привлечении в качестве обвиняемого прокурором в «консилиуме» со следователем высказываются и российскими процессуалистами¹.

Еще одну достаточно оригинальную форму «юридического консилиума», прежде всего — для локализации ошибок, предлагает, к примеру, А.А. Тришева².

По ее мнению, суд, осуществляющий правосудие, не может осуществлять функцию проверки законности обвинения и достаточности оснований для внесения уголовного дела в судебное заседание. Эту функцию должен выполнять судебный орган, не занятый отправлением правосудия.

Данное мнение нам импонирует, как и позиция А.В. Смирнова состоящая в том, что судебный контроль не может быть непосредственно продолжен правосудием, ибо он превращает состязательность в розыск. Судей как минимум должно быть двое: один для предварительного следствия и предания суду, другой — для правосудия³.

По мнению этих и ряда других ученых, именно такими соображениями продиктована необходимость создания в российском уголовном процессе института следственных судей. Введение института следственных судей с возложением на них контрольных функций в досудебном производстве вполне укладывается в существующую тенденцию дифференциации судебных органов (судья общей юрисдикции, мировой судья, следственный судья), при четком разграничении компетенции каждого из указанных направлений судебной власти.

В предмет ведения вновь созданного судебного органа кроме традиционных форм судебного контроля, существующих в настоящее время в досудебном производстве, должны войти вопросы, связанные с проверкой качества проведенного предварительного следствия и предания обвиняемого суду. Для реализации указанных полномочий следует, по мнению А.А. Тришевой⁴, установить порядок, в соответствии с которым оконченное производством уголовное дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением направляется в коллегию следственных судей соответствующего районного (городского) административно-территориального образования.

¹ См.: Шичанин И.И. Деятельность прокурора по подготовке обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд // Российский следователь. 2010. № 17. С. 11–13; Его же. Деятельность прокурора по составлению постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлению обвинения // Там же. 2010. № 12. С. 13–16.

² См.: Тришева А.А. Институт следственных судей — необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 3.

³ См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 50–52.

⁴ См.: Тришева А.А. Указ. соч. С. 6.

Работа при производстве по делу, как представляется А.А. Тришевой, должна быть организована в форме слушаний, проводимых следственным судьей с участием сторон на началах состязательности. Принятие же решений по принципиальным вопросам, определяющим дальнейшее направление движения дела (возвращение дела прокурору, предание обвиняемого суду и т. п.), — коллегиальное, по докладу одного из членов коллегии (следственного судьи-докладчика).

По результатам рассмотрения уголовного дела на этой стадии указанному автору представляется правильным предусмотреть возможность принятия коллегией одного из следующих решений:

- 1) о предании суду;
- 2) о предании суду и изменении обвинительного заключения;
- 3) о возвращении дела на дополнительное расследование;
- 4) о прекращении уголовного дела;
- 5) о направлении дела по подсудности.

Наделение коллегии следственных судей полномочиями возвращать уголовное дело прокурору для дополнительного расследования предполагает полное восстановление этого института, включая возможность обращения дела к доследованию по основаниям неполноты и односторонности проведенного предварительного следствия;

б) о необходимости изменения обвинения, связанного с предъявлением более тяжкого либо не соответствующего по фактическим обстоятельствам обвинению, содержащемуся в обвинительном заключении; существенного нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующего рассмотрению дела судом, и другим основаниям, которые предусматривались ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.).

Сторонник обозначенного выше подхода А.А. Юнусов обращает внимание на то, что названные изменения при их практической реализации позволят навсегда снять традиционно проблемный на этом этапе вопрос о праве суда войти в предварительную оценку (доказанности) фактической стороны обвинения, как единственно законном и объективно необходимом основании для обоснованного внесения уголовного дела в суд с целью его разрешения по существу¹.

Одним из камней преткновения в институте возвращения судом уголовного дела прокурору является ситуация перепредъявления обвиняемому более тяжкого обвинения, нежели первоначальное. В связи с этим заслуживают внимания высказывания ученых о возможности отказаться от института предъявления обвинения вообще². Тем более, что при дознании обвинение не предъявляется.

Однако если пойти по пути модернизации института предъявления обвинения и оставить миссию формулирования обвинения для прокурора в завершении расследования уголовного дела, то вполне логичной и беспроblemной

¹ См.: Юнусов А.А. Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству : дис. ... д-ра. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 159.

² См.: Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и проблемы совершенствования // СПС «КонсультантПлюс».

впоследствии окажется ситуация, когда при рассмотрении уголовного дела в суде прокурор сможет в определенной процедуре изменять объем обвинения и квалификацию деяния в сторону их увеличения.

Таким образом, эффективное функционирование института судебного контроля будет являться оптимальным «фильтром», сквозь который в суды для разбирательства по существу не должны попадать уголовные дела с ошибками.

А.С. Барабаш,

*доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса Юридического института
Сибирского федерального университета
a.barabash@mail.ru*

С.А. Дробышевский,

*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой истории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета
kafedra-iogp@mail.ru*

О специфике принципов уголовного процесса

В юридической литературе существует несколько подходов к определению содержания понятия «принцип». Согласно одному из них, принцип — основное начало, основа определенной правовой системы¹, как подчеркивают другие авторы, он закрепляется в законе как положение основного, руководящего характера², или, иными словами, принципы права — это его нормы фундаментального, основополагающего, общего характера³. Другие видели и видят в принципе основополагающую идею⁴. В свое время В.Т. Томин писал: «Принципы появляются в трудах классиков марксизма-ленинизма, в программах документах коммунистической партии, в коммунистическом правосознании. Таким образом, принципы — это элемент коммунистического мировоззрения — руководящая идея в области уголовного процесса...»⁵. А сейчас — из программ каких партий предлагают брать основополагающую,

¹ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 151 и др.

² См.: Ронжин В.Н. О понятии и системе принципов социалистического права // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1977. № 2. С. 34; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 26; Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 34.

³ См.: Талалаев А.Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление термина) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 3. С. 69.

⁴ См.: Васильев А.М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3; Его же. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 216; Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1996. С. 49; Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / Государство и право. 1996. № 11. С. 93; Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. М., 2005. С. 54; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 74.

⁵ Томин В.Т. О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. Вып. 12. М., 1965. С. 193–194.
